

МОЙ ЛЁНЯ

Прошло почти три года, как не стало Лёни. Говорят, время лечит. Ничего подобного. Всё так же не хватает воздуха. Всё так же по утрам машинально наливаю чай в его любимую чашку и только потом спохватываюсь, что выпить её некому. Иногда слышу его голос из соседней комнаты – зовёт. Бросаюсь туда и наталкиваюсь на пустое кресло, в котором он так любил сидеть. И опять перехватывает дыхание. С портрета смотрят на меня его всепонимающие глаза с глубоко упрямой, какой-то вселенской грустинкой. Перечитываю стихи, где в каждой строчке, даже в самой что ни на есть развесёлой, скрытая боль. Попытка обнять весь мир, сберечь, защитить.

*Поэт на страждущей планете,
Как раб, без отдыха и сна,
За что он только не в ответе!*

*.....
Он, как Геракл, строкой великой
На плечи взгромозждает мир.*

Он и был таким «Гераклом», примерившим на себя всю боль, несправедливость, изменчивость, лукавство общества человека.

Но получилась странная метаморфоза. Приняв в себя весь негатив окружающего бытия, в душе его, как в тигле, всё переплавлялось, превращалось в потрясающее чувство любви ко всему, что есть на земле. Будь то цветок, зверь, птица и, конечно, человек. Удивительным было его отношение к людям. С каким интересом, открытостью он мог часами разговаривать с самым, казалось бы, распоследним бомжом. И с какой внутренней настороженностью беседовал с людьми, облачёнными хоть какой-то властью. Хотя о последних он порой сожалел:

– Как же им тяжело живётся. Ведь почти всё время приходится врать.

– Ну почему ты так думаешь? – порой возражала я.

– Я не думаю. Я вижу. У меня вот есть такое стихотворение...

И он начинал цитировать что-нибудь из своих стихов. Это вообще была его манера общения. Очень часто, когда его спрашивали о чём-либо, он просто читал свои стихи. В их строчках при желании можно найти ответ на любой волнующий вопрос.

Особой строкой стояло его отношение к собраниям по перу. Кто бы видел, с каким восторгом Лёня носился по дому, наткнувшись в журнале на стихи

Димы Мурзина или Клёстова. Перечитав в который раз «Силицу» Сергея Донбая, ходил счастливейшим человеком: «Вот молодец Серёга! Крепкая книжка получилась». Мог неделями изводить меня понравившимися строками из новой книжки Бориса Бурмистрова. Восторгался Бокиным: – «Нет, ты только посмотри, в какую глыбину Витька спрессовался!» Ибрагимов, Коврижных, Раевский... и все, все, все.

О Тане Николаевой с болью: «Она подбитая чайка, а всё себя вороной числит. Дай Бог, когда-нибудь заживут крылья».

О Гале Золотаиной: «Маленький рыцарь, пристёгнутый к кухне. Но шпажка-то остренькая. Легко проткнуть может».

О Свете Кураловой: «Печальная колдунья, которая так и не сварила ещё своё зелье».

Лёня любил работать с молодыми, только начинающими писать, авторами. Вот уж где во всю мощь проявлялся талант Учителя.

С какой осторожностью он говорил с ребятами об их стихах. Как умел, не обидев, указать на ошибки, найти изюминку в самых, казалось бы, безнадёжных строчках. И, глядишь, встряхнулось юное дарование, выправило крылышки, и зазвучал на страницах пока ещё «районки» новый голосок.

А ещё обладал Леонид Михайлович потрясающим даром всепрощения. Мне казалось, что его невозможно было обидеть. Просто он смотрел на обидчика своими чистыми-чистыми глазами, словно говоря: «Ну зачем ты так?» И всё. Хотя стержень в нём был негнбимый.

Особо запомнился один случай. Некий товарищ (я не стану называть его имя), который давно уже не живёт в нашей области, как-то позвонил. Говорила с ним я, так как Михалыч в то время был в санатории. Имя для меня было не знакомо, хотя собеседник представился бывшим учеником и тоже поэтом. Мы долго общались по телефону, он читал свои стихи (довольно не дурные). Сожалел, что Лёни нет дома и обещал перезвонить. После я тщетно пыталась вспомнить, говорил ли Лёня когда-нибудь о нём, но так и не припомнила. Хотя практически всех его учеников как по школе, так и по делам охотничьим я знала всех. Если не лично, то по его рассказам обязательно.

Когда Лёня вернулся домой и я сказала ему о звонке, он просто отмахнулся, назвав грубым словом. И я поняла, что тема закрыта. Если Михалыч произносил это слово, то разговора об этом человеке не могло и быть. Но женское любопытство было сильнее запрета и я ещё несколько раз завела разговор о звонившем, пока не получила ответ о «любопытной Варваре».

Товарищ ещё несколько раз звонил, но Лёня трубку не взял. И тогда он приехал. Это был единственный случай, когда в наш дом ночью непусти-

ли человека, в то время как к нам могли прийти, приехать, ввалиться кто угодно и когда угодно. Я так и не узнала, что мог не простить Михалыч.

А время не стоит на месте. Подходит дата третьего Лёниного дня рождения без него. Я знаю, что по-прежнему станет звонить и звонить телефон. А вечером приедут его ученики. Я не знаю, кто в этот раз, но приедут обязательно. Как я благодарна им за эту память. Будем сидеть за столом и пить чай.

(И не только чай. Уже стынет у порога любимая Лёнина «ореховка»). Ребята вспоминят давние походы с Михалычем. Споют его песни и почитают стихи. И тихо будет потрескивать свеча у портрета, с которого будут смотреть на нас его чистые голубые глаза, такие живые в отблеске пламени. Он рядом, пока о нём помнят.

Нина ГЕРЖИДОВИЧ,
пос. Юго-Александровка

Леонид ГЕРЖИДОВИЧ

РОЖДЕНИЕ

*Когда собиралось светило
Освоить дневной небосклон,
На свет меня мать народила,
Но я ещё не был рождён.*

*Блуждало неспетою песней,
Не зная родные края,
В каких-то неведомых весях
Моё незрелое Я.*

*Но чья-то рука
Звёздной пылью
Плеснула в меня из горсти;
Чтоб стало незримое былью,
Чтоб смог я себя обрести.*

*Родная земля замесила
Таёжную зелень в крови,
И в душу
Небесная сила
Вселила
Зародыш любви.*

*По новому сердцу забилося,
Узрев назначенье своё.
И ясным огнём осветилось
Второе рождение моё.*

СНЕГОПАД

*За спиной не оставить порог:
Впереди ни путей, ни дорог.
За окном преисподневый ад –
Снегопад, снегопад, снегопад.*

*Гробовое безмолвье вокруг.
Не придёт попроведывать друг,
Непролазных пред ним сто преград.
Снегопад, снегопад, снегопад.*

*Все мечты, все порывы души
Где-то сонно свернулись в тиши,
И во мне мельтешит внепрогляд
Снегопад, снегопад, снегопад...*

* * *

*Утопают в беде
Безотрадные лица.
Нет приюта нигде,
Не спастись, не укрыться.*

*Все пути от воря
Беспределом прошиты,
От людского зверья
Ни преград, ни защиты.*

*О родные края,
С детства милые дали,
Обворованный я –
Даже время украли.*

* * *

*Предвечерняя тень
Черню душу задела.
То ли кончился день,
То ли жизнь пролетела?*

*В бесконечность широт
Устремляются взоры.
Там, у райских ворот,
То ль стезя, то ль запоры?*

*Круг земной заверша,
Отойду бестелесно.
Где пребудет душа –
Только Богу известно.*